

Нино Абакелия

Символ и ритуал в грузинской культуре

"Все преходящее
лишь только символ"...

Гете

Грузия, расположенная на южных склонах Кавказского хребта, на перекрестке Восточного и Западного миров, является тем местом, где встречаются и перекрещиваются Восточная (с целью упрощения названная неисторической) и Западная (историческая) мировоззрения. Исходя из этого, вполне естественно и закономерно, что Грузия с одной стороны является местом древнейших мистерий, а с другой - одной из первых христианских традиций.

По преданиям (а об этом сегодня, также, свидетельствуют археологические данные) в Колхиде (т.е. в сегодняшней Западной Грузии) в области бассейна реки Риони (древний Фазис) справлялись т.н. "колхидские мистерии".

Кроме того, с Колхидой связан миф об Аргонавтах, дошедший до нас в сущности в описании двух греческих поэтов

- Пиндара (520 г. до н.э.) и Аполлония Родосского (250 г. до н.э.). В них, как известно, рассказывается о любовной истории Медси и Язона, которая, фактически, представляет религиозную подпочву, основу мифа об Аргонавтах, в котором символу Золотого Руна отводится центральное место и т.п.

Также не случайно, что один из наиболее известных и значительных героев греческой мифологии - Прометей (гомологией которого является грузинский миф об Амиране) был прикован именно к горам Кавказа. .

Грузия, преемница вышеупомянутых культур, стала той страной, которая одна из первых оставила позади безмятежное кружение в лоне божества и под водительством Высшего Божественного начала встала на путь самопознания, ведущей к неким высшим целям.

Этим путем для Грузии стало христианство, которое в Грузии официальной религией было объявлено в 4-ом веке н.э., и связано с именем апостольно-нравной св. Нины; но существуют и другие версии, согласно которым Грузия имела последователей христианства уже в первом веке. Эти версии подкреплены преданиями о том, что первыми проповедниками христианства в Грузии были непосредственные ученики Иисуса Христа, апостолы: Андрей Первозванный и Симон Кананит (I в. н.э.) (Здесь же надо отметить, что Симон Кананит мученически окончил свои дни в Грузии и после смерти был похоронен на горе Нового Афона).

Известно, что уже к пятому веку (и даже несколько ранее) на грузинском языке уже существовали Евангелия, Писания св. Павла, Псалтырь, Книга греческих мучеников и т.п. К этому же времени был вполне сформирован культ национальных реликвий (напр. культ Животворного Столпа,

культ цепей св.мученицы Шушаник и т.п.).

Основной целью работы является изучение грузинской культуры, как онтофании (т.е. проявления сущного). В связи с этим изучаются основные символы и связанные с ними ритуалы посредством их установления, описания и объяснения.

Исходя из этого, объектом исследования с одной стороны является символ, по определению М.Элиаде являющийся посланием, "шифром", Словом космоса, в котором и посредством которого вселенная проявляет себя.

С другой стороны, объектом специального изучения является первое культовое действие посредством постоянного повторения из поколения в поколение ставшее ритуалом, специфическим свойством которого является символичность.

Поскольку изучаемые символы носят религиозный характер, они изучаются в пределах своей сущности т.е. на религиозном уровне, с последовательным правом на объединение полученных результатов в более широкой перспективе.

В современном профанизированном мире, где гаснут последние искры истинной традиции, в исследовании ставится целью восстановление перспективы и традиции как и ее божественного источника.

Следовательно, предлагаемая монография "Символ и ритуал в Грузинской культуре" делится на нижеследующие главы и подзаглавия: глава первая: Зооморфные символы и связанные с ними ритуалы в грузинской культуре (Культе змеи в грузинской мифо-ритуальной системе; Культе быка в грузинской мифо-ритуальной системе; Культе козла в грузинской мифо-ритуальной системе; Культе волка/собаки в

грузинской мифо-ритуальной системе; Культ вепря/свиньи в грузинской мифо-ритуальной системе). Глава вторая: Вегетативный код в грузинской мифо-ритуальной системе. Глава третья: Символизм сакральной пищи и связанные с ней ритуалы в грузинской мифо-ритуальной системе. Исследование завершается заключением.

Таким образом, лейтмотивом книги является встреча, перекрещивание, контаминация и конфронтация двух типов мышления - архаичного и современного (христианского). Она основывается на исследовании религиозного символизма. В современной терминологии сравнительного религиоведения (см. Eliade 1978) термин "символ" употребляется для обозначения религиозных фактов, символизм которых считается явленным и явным.

Каждый религиозный факт (а в нашем случае символ) одновременно является религиозным и историческим документом. Он, как документ, имеет особую значимость, являясь неотъемлемой частью культуры и определенного времени, откуда он выделен (напр. лопата не могла быть ассоциирована с фаллосом, а земледельческие работы гомологизированы с половым актом до возникновения земледелия; или же символизм сакрального числа "семь", также как и образ космического дерева с семью ветвями не мог быть явлен до обнаружения семи планет, что в свое время привело Месопотамию до концепции семи планетарных сфер) (см. Eliade, 1978). Т.е. символы, мифы и обряды расцениваются как культурные ценности.

Работа ограничивается исследованием некоторых зооморфных, вегетативных и пищевых символов. А дешифровка символов невозможна без исследования целого

ряда религиозных фактов, ассоциированных с ними ритуалов и ритуальных контекстов.

Исходя из вышесказанного, нашей задачей является в упомянутом культурном контексте (подразумеваемом не окаменевшие, а постоянно меняющиеся структуры) показать как проявляются и функционируют одни и те же символы; с другой стороны установить, описать и объяснить те ритуальные действия, которые связаны с этими символами; восстановить истинный источник десакрализованной и профанизированной традиции.

С целью выполнения вышеупомянутых задач отправным пунктом послужили "Зооморфные символы и связанные с ними ритуалы в грузинской культуре" и в частности символ змеи в грузинской мифо-ритуальной системе. Результаты исследованного символа кратко можно изложить следующим образом:

В грузинской традиции змея воспринимается амбивалентно. С одной стороны она приносит добро и является ее стражем; с другой – вызывает страх, являясь знаменем зла.

Змея, одна из наиболее распространенных символов в Грузии, как в одной из древнейших стран земледелия, связана с хтоническим и женским символизмом (их объединяют однородные черты, лунарный символизм, идеи плодородия и реинкарнации); в ряде случаев воспринимается как фаллический символ.

Змее поклонялись, как хранительнице очага и дома. Она связана с землей (или точнее, с Великой Матерью Богов) двумя аспектами: как ее атрибут и проявление. С другой стороны она символ потустороннего мира.

Образы змеи и дракона в грузинской традиции связаны с

водой. Дракон (Вешапи) хозяин воды, ее обитатель и хранитель.

Источник, водный резервуар, река и т.п. являются т.н. "лиминальными" зонами, центрами вселенной (в мифологическом, а не в геометрическом отношении), которые нам представляются полями космических битв. В этих местах установлены отражающие эти битвы символы в виде каменных вешапи/вишапи, на которых часто изображен бык (шкура быка) (один из наиболее ярких и распространенных проявлений Бога Грозы).

Таким образом, в грузинской, как и во многих других традициях, символ змеи ассоциируется с водой, дождем, плодородием и урожайностью в целом. Верования связанные со стражем-хранителем воды драконом непосредственно связаны с мегалитическими памятниками "Вешапи" и с их мифологией. В этих же представлениях объединяется мотив космической битвы Бога Грозы со своим хтоническим противником.

Другим древнейшим символом, на котором заостряется внимание, является бык, который согласно археологическим данным, появляется в позднебронзовой и раннежелезной эпохах. В этом подзаглавии рассмотрен комплекс архаичных ритуалов и мифологических мотивов связанных с символом быка, которые "живут" в правилах проведения религиозных церемоний, в разнообразных ритуалах, морали и социальных организациях.

На ряду с другими вопросами рассмотрен символ быка в весеннем календарном цикле празднеств, в частности в обряде "ряженных", называемом "берикаоба", с которым мы соотносим обряд "посвящения детей в курати и бери".

Мотивами исполнения этих обрядов в Восточной Грузии были бездетность (бесплодие) супругов, или болезнь ребенка и боязнь его потери.

Самым странным и в то же время интересным в этих обрядах является название детей общими именами "курати" и "бери".

Слово "курати" в грузинском происходит от "куро" (бугай) и обозначает нескладенного бычка. В Грузии "курати"/"курети" (в значении малого быка) считается лучшей умиловительной жертвой, которую на имя того или иного святого приносили попавшие в беду люди.

"Бери" также как и "курати", является свернутым знаком - символом, указывающим на более обширный текст.

Первое, что ассоциируется с термином "бери" в христианской Грузии - это монах, член церковного братства. Это слово, также, означает старца. В Картли (Восточная низинная Грузия) новорожденного ребенка до года, точнее, до первого приобщения его к церкви, называли "бери". "Бера"/"бара" - детеныш животного. "Берзора" название жертвенного животного; "бери", также, означает сына. В аграрном празднике "берикаоба" - "бери" главное действующее лицо...

Вкрапленные в христианском культе архангелов (или святых) вышеописанные обряды сохраняют трехчастную структуру: отрыв ребенка от семьи (т.е. выделение его из общества), помещение его за пределами устоявшегося мира: пограничный период, длящийся от нескольких дней до нескольких лет, и возвращение в новом статусе или в новой подгруппе общества. Наличие всех этих элементов в вышеописанных обрядах дает возможность заключить, что

посвящение в "курати" или в "бсри" являют собой посвятительные обряды, которые носят в себе инициальную символику.

На связь с инициальной символикой, также, указывает повышенный эротизм "курати", знак его силы, экстраординарной потенции, фертильности и знак достигнутой зрелости.

В Картли и Кахетии (также как и во всей остальной Грузии) не сохранена память о тяжелых инициальных испытаниях неофитов, но существование такой практики все-таки, как нам кажется, прослеживается в выражении "бераши гатареба" (букв. прохождение сквозь бера), что означало порку, избивание. А порка, или, избивание, как известно, типично инициальное страдание имеющее значение экзамена.

В этнологии известно, что инициальная смерть реализуется разными способами - начиная с наиболее реалистической драматизацией и кончая легкими символическими аллюзиями. В одном случае ритуальной реализацией смерти может стать уединение, в других случаях истязание, или табу произнесения имен посвященных лиц и т.п.

В нашем случае уединение происходит в церкви за селом. Имен посвященных мальчиков не произносят. Вместо этого, их называют общим именем "курати" или "бери", подчеркивая этим эквивалентность человеческой и животной жертв. Как жертвенное животное должно быть заклано, так и юноша-неофит должен перенести и прочувствовать "убиение".

Прорицательные и лечебные функции, также, представляют собой инициальную модель и значение.

В свете этих идей по новому воспринимается

мифологический персонаж бери/бери́ка в весеннем, масленичном обряде "бери́каоба".

Аналогичные обряды засвидетельствованы в разных частях мира. В Западной и Восточной Европе в типологическом отношении схожие с "бери́каоба" обряды исполняются два раза в году и классифицируются как святочно-рождественские и масленично-карнавальные обряды.

В структурном отношении "бери́каоба" (также как и аналогичные ему обряды в других частях мира) объединяют несколько основных моментов: травести́зм, избрание короля, ритуальную свадьбу, танцы, песни, эротизм, ритуальную пахоту, убийство короля или того же "бери́ка".

"Бери́"- "бери́ка" и "куро/курати/курети" являясь участниками мистериального шествия бери́каоба, обозначают юношей в специфическом смысле, которые, как нам кажется, могли быть собраны из прошедших инициацию молодых людей (ср. груз. курати/курети с греч. kouretes прошедшими инициацию молодыми людьми, оргиастическими танцорами).

Перед нами две разновидности обряда: обряд детства (во время которого происходит переход индивида из одного статуса в другой) и юношества (когда прошедшие инициацию юноши своими действиями и восхвалениями приносят обществу благополучие). В обоих случаях вырисовывается символ сына в облике быка. Одним из проявлений этого символа в грузинской мифологии является образ Бога-Юноши - Тар-Чабуки (Тар-Юноши/*Быка-Юноши) в функции которого входило ежегодное обновление мира.

Формальные признаки описанных обрядов (изоляция мальчиков от общества на определенное время, называние их

двусмысленными именами курати или бери, имеющими коннотацию жертвоприношения, гесп. смерти) указывает на их инициальный характер.

Идея смерти и возрождения, нового рождения видна и в другом обряде, в весеннем празднике берикаоба, в котором юноши называемые бери, куро и т.п. вооруженные фаллическими атрибутами, принимают участие в весеннем оргиастическом маскараде.

Итак, уединение от мира, запрет употребления имен "неофитов", аллюзия смерти и возрождения в словах курати - бери, возвращение в общество в новом статусе способствуют допущению, что обряды "посвящения в курати и бери" в равнинной Восточной Грузии являются трансформацией древнейшего инициального ритуала мальчиков, которые в христианской Грузии получают новое осмысление.

Проанализированный в этой главе материал, фактически, является иллюстрацией тезиса, согласно которому, древнейшие мифы, дошедшие фрагментально, продолжают жить в современной традиции.

Следующим изучаемым символом является "козел".

В грузинской традиции символ козла участвует во многих ритуалах. Соответственно, его значения проявляются в эпизодах различных ритуалов по разному, и, следовательно, выражают различные темы; он фигурирует в культе усопших, в обрядовом графическом искусстве (в мотиве "два козла поедающие сосну"), в маскарадах, в лечебных ритуалах; имеются отношения "козел и св. Илья", "козел и виноград", мифологические персонажи типа пана "очопинтре", "очокочи" и др., участвуют в ритуалах вызывания благоприятной погоды и т.п.

В упомянутом подзаглавии козел показан также в свете антибожественного символа, в свете христианского мировоззрения как символ нечистой силы, всецело объятый своими производительными желаниями, как символ беды и несчастья; в средних веках как символ дьявола.

В труде особое место отводится участию вышеназванного символа при сборе винограда, универсально являющимся зооморфной ипостасью божества плодородия. Козел понимается как жертвенное животное того божества, который представлялся козлообразными животными. Козел (козленок) представляет юного божества плодородия, которого ежегодно приносили в жертву во время сбора виноградного урожая. Жертва приносилась с целью показа культовой символизации смерти и возрождения природы, имеющее место во время сбора винограда.

Высказано мнение, согласно которому во время сбора винограда участники причащались к тотальной эпифании умирающего и возрождающегося божества, одной из зооморфных эмблем которого был козел, а вегетативным - виноградная лоза.

Следующее подзаглавие монографии посвящается изучению символа "волка/собаки" в грузинской мифоритуальной системе.

В древнегрузинской традиции (как и во многих мифологических традициях) волк и собака сливаются в одном образе.

В грузинской культурной традиции собака и ассоциированный с ней символ волка проявляется во многих контекстах: небесная собака - олицетворение молнии, водная собака, с которой связан целый комплекс религиозных

представлений и верований, собака потустороннего мира - психопомп. Волки сперва помощники "Мориге Гмерти" (Верховного Бога), позже - волки св.Георгия и т.п.

Волк/собака, как страж или хранитель классифицируется в группе представителей пресмыкающихся т.е. обитателей подземелья.

Обширно рассматривается вопрос символа собаки в мифо-ритуальном комплексе связанном с метеорологическими последствиями, также как символ собаки в грузинском охотничьем эпосе, религиозным фоном которого является любовная история Божества Охоты со смертным человеком.

Как известно, атрибутом Божества Охоты или одним из многочисленных ее видоизменений является собака (Е.Вирсаладзе). Посредством собаки Божество Охоты претворяла свои желания т.е. по заслугам награждала или наказывала охотника.

В предыдущей нашей монографии "Миф и ритуал в Западной Грузии", Тб., 1991, мы постарались показать как и в каких образах проявляется символ Великой Матери Богов в грузинской мифо-ритуальной системе; как распадется этот образ на множество женских образов (Лесная царица, Хозяйка зверей, Мать Воды, Госпожа Основы, Медя и т.п.) показывающих разную силу и их аспекты. Многообразие эманаций соответствует архетипам матери, которые, используя терминологию К.Г.Юнга, содержат качества матери как таковой, магический авторитет женственности, мудрость и духовную возвышенность, который стоит вне интеллекта, олицетворяет доброту, утешает, является местом зановорождения, т.е. местом магической трансформации, роста и воспитания, импульсом и инстинктом милосердия; с

другой стороны, тем что по существу является тайной, скрытым, темным, адским, хаотическим, одушевленным подземельем, тем, что поглощает, совращает, отравляет, тем, что вызывает страх и является неизбежным.

Висящий вверх ногами на скале охотник (напоминающий образ Одина-Вотана, с которым ассоциировались волки-собаки приносимые ему в жертву; а сам этот образ был связан с воинскими инициациями) на рассвете падает в пропасть (мучительная инициация?).

Со своей стороны скала, яма, пропасть, пещера и др. (имеющие женскую коннотацию) размещаются в один семантический ряд и ассоциируются с местом и мотивом зановорождения.

В этом эпизоде божество Дали получает аспект вызывающей страх матери и проявляется как божество подземелья и смерти.

Следующим исследуемым символом в этой главе является символ вепря/свиньи в грузинской мифо-ритуальной системе.

Под этим подзаглавием рассматривается символ вепря/свиньи и соотносимые с этим символом ритуалы исполняемые в церкви, в семье, в винохранилище, кузне.

Традиционно считали, что жертвоприношение свиньи на рождество в церкви Некреси в Кахетии являло собой аномальное явление и даже связывали этот факт с языческими обрядами.

Существует местная довольно-таки наивная легенда для объяснения этого факта, согласно которой какие-то горцы после очередного набега возвращались домой с трофеями. По дороге они прошли мимо церкви Некреси. Население села якобы напустило на своих врагов свиней и с их помощью

отпустили их нисчем. Согласно этому сказу, после этого учредили жертвоприношение свиньи на Рождество в эту церковь.

Исследование вышеназванного символа в грузинской мифо-ритуальной системе показало, что этот факт является ни то что аномальным, а вполне приемлемым в ряде весенних и зимних празднеств, в которых веprü, свинье, поросенку, как жертвенным животным, отводилось значительное место.

В грузинской (и, в частности, в Западно-грузинской традиции), согласно местным верованиям она посвящалась Иисусу Христу (на празднествах Рождества и Пасхи), св.Соломону (в Канун Нового Года), Архангелам Михаилу и Гавриилу (в первый понедельник нового года); св.Василию (Первого января), св.Георгию (в четверг или пятницу мясоеда). Это тот случай, когда солярный (т.е. солнечный) символ в жертву приносится солярному (солнечному) персонажу.

Основным значением указанного символа (как и впрочем других рождественских символов) является плодородие, плодovitость (Ср. в древне-римской традиции с богиней плодородия и производительных сил земли Церерой, которой в жертву приносили супоросную свинью; в других ритуалах супоросная свинья жертвовалась Богине Земли - Теллус Матер).

Свинья, как одна из самых похотливых животных является сакральным животным Венеры; в связи с этим интересно, что согласно пифагорейским доктринам, похотливые сладострастные мужчины превращаются в свиней. Вспомним Цирцею, сестру колхидского царя Аэта, тетку Медеи, которая обитала на острове Эя и связанный с ней

известный эпизод в мифе об аргонавтах, когда Цирцея прибывших на остров, опоив колдовским напитком, превращает в свиней.

Что касается вепря, то его характер явно демонический. Интересно, что в Германии и Англии до недавнего времени на рождественском обеде угощали украшенной головой вепря, что символизировало лунарного, мрачного монстра, которого убивали во время зимнего солнцестояния, в следствие чего дни становились все больше и светлее.

Здесь же надо отметить, что вепрь в грузинской традиции является сакральным животным св.Георгия стреловержца (ср. с Гераклом, Индрой, убийцами вепрей; вепрь является сакральным животным скандинавского Марса, также Римского и Эллинского Марса, а сам Марс принимал облик лунарного Монстра, форму дикого вепря с целью убийства молодого Адониса, возлюбленного Афродиты).

Вепрь/свинья являются атрибутами воинов, солярных персонажей.

Таким образом в грузинской (и не только в грузинской) мифо-ритуальной системе свинья является персонажем разных времен и уровней.

Клык вепря вообще идентифицируется с молнией, рогами полумесяца и с солярными лучами.

В целом исследуемые в этой главе символы и соотносимые с ними ритуалы иллюстрируют как проявляется каждый вид или видоизменение зооморфного символизма в разных аспектах.

На виду примеры участия основных и наиболее развитых форм животных в мифах и ритуалах на разных уровнях (разных уровней): случаи, когда животные рассматриваются

как персонажи последующих уровней, вплоть до низших (покровители разных природных угодий: лесов, полей, гор, рек и т.п. и даже нечисть, враждебная людям); как органическая ипостась антропоморфных мифологических персонажей; как временная, случайная, однократная форма, принимаемая божеством; напр. как во взаимоотношениях охотника и божества Охоты, когда эта последняя принимает форму тура, иногда форму ссны и т.п.; как помощник мифологического персонажа (постоянный или более или менее случайный) или его атрибут, символ (напр. Бог Грозы и Бык; Бог Грозы и козел; Солярный персонаж и вепрь; Божество Охоты и собака и т.п. в грузинской мифо-ритуальной системе); как некая деталь внешнего облика участника мифа и ритуала (напр. крылатость или рогатость солнечного образа) наконец как объект ритуала - жертвенное животное.

Посредством рассмотрения конкретного проявления зооморфного символа и соотносимых с ним ритуалов показано, как проявляется в локальных формах общая концепция о плодородии, которая в конечном счете сводится к истокам женского и мужского отношений.

Вторая глава исследования отводится изучению вегетативного кода в грузинской мифо-ритуальной системе и, в частности, изучению наиболее значительного вегетативного символа - Древа Мира и его вариантов.

В Грузии засвидетельствовано множество вариантов Мирового Древа. Каждый тип или разновидность данного символа с определенной интенсивностью демонстрирует и проявляет разные аспекты "космического дерева".

В разное время разные авторы (И.Джавахишвили,

Н.Марр, В.Бардавелидзе, З.Кикнадзе, И.Сургуладзе, М.Канделаки и др.) интересовались этим символом изучая и показывая разные его аспекты исходя из интересов своих исследований.

В предыдущей нашей монографии "Миф и ритуал в Западной Грузии" и мы коснулись некоторых его форм и типов при рассмотрении космологических символов в Западной Грузии.

Символы сакрального дерева в Грузии делятся на статичные и мобильные символы. Мобильными являются Новогодний чичилаги, Свадебный Чирагдани, Знамя святилища и т.п.

К статичным символам в первую очередь относят Дедабодзи (Мать-столп) в жилом строснии. В жилище камарай (букв. небосвод) дедабодзи (т.е. Мать столп) и очаг (являющийся входом в подземелье) повторяют модель вселенной и являются микрокосмосом. Следовательно, Мать столп являясь одним из вариантов Древа Мира и, в частности, Осью Мира, объединяет три космические зоны - небо, землю и подземелье, в то же время являясь средством сообщения между землей, подземельем и небесами.

С осью вселенной соотносится идея и символизм "космического центра" (М.Элиаде), и следовательно, около нее исполняются разные ритуалы: новогодние, свадебные, ритуалы связанные с мифологемой судьбы и т.п.

При рассмотрении вариантов Древа Мира и соотносимых с ними ритуалов входит непосредственно связанная с ними тема Рая.

Как известно на всех уровнях религиозной жизни (на архаическом или современном) прослеживается ностальгия по

Раю что, также, хорошо демонстрируется и грузинским материалом.

Образ Рая вырисовывается в грузинских обрядовых, хороводных песнях, в которых центральным символом является дерево выросшее у божьих врат.

Согласно этим хороводным песням, сохранным среди горцев Восточной Грузии, говорится о божьих вратах, у которых растет чудесное дерево - алва (последнее время идентифицированное с мироточивым кипарисом) с верхушки которого свисают гроздья винограда поспевшие для вкушения. Прегрешившие перед ним муж (т.е. человек) и жена безвременно погибли. Или по другой версии: не вкусившие спелых ягод муж и жена безвременно погибли.

В других случаях "врата божьи" заменяются винохранилищем "марани", в ряде случаев исполняющее функции церкви (подразумевается исполнение в марани обряда крещения, обряда бракосочетания, исполнение молельных ритуалов и т.п.):

"В яхонтовом марани
вино и рубин сверкают
в нем выросло дерево - алва
оно молодо и ветви распускает...
на нем соловей для полета
крылья расправляет".

Описанное растущее у врат (так же как и в винохранилище - марани) дерево интерпретируется как Древо Жизни (В.Бардавелидзе), а стоящий у Древа Жизни муж и жена как бы повторяют архетипичный образ первой пары человечества, которые за проявленное непокорство были изгнаны из рая и безвременно погибли. Но если поводом их гибели было

вкушение в саду едемском (раю) запретного плода с Древа познания Добра и зла, нарушившее предписание бога, имевшее роковое последствие для Адама и Евы и всего человечества, то со времен страстей Христовых уже не вкушение небесной пищи становится роковой и означает непричастность к вечной жизни (Т.Джаксли).

Этот образ вполне соответствует универсальной теологической идее о церковных порталах, имеющих значение райских врат. Эту же идею выражают программы и надписи на вратах грузинских церквей, конкретным выражением которого является изученный В.Джобадзе портал церкви Хахули гласящий следующим:

"Вот врата Господа; праведные войдут в них".

Тексты этих надписей происходящие от 117.20 Псалма указывают на врата, как на вход в рай, в которые лишь только праведные смогут войти.

Таким образом, иконографическая программа и устные формулы вполне совпадают и Врата Божии означают Врата Райские.

Итак, идея вечной жизни и плодородия выражается раеподобным состоянием. По библейской традиции в раю растут Древо Жизни и Древо Познания. В грузинской традиции "раем" является "Солнечный Сад", "Сад Господ" и, по нашему мнению также виноградник.

И правда, в винограднике или в том же сакральном саду скрыта глубокая тайна, его плоды в разное время "всеслили" разных богов и людей. В нем помещено konsekрированное винохранилище "марани", в котором растет сакральное древо (иногда мироточивое) обвитое высокоствольной виноградной лозой.

Обособленная в винограднике лоза является растительной ипостасью божества плодородия, первые гроздья которой преподносят божеству.

Некоторые ученые пытались отнести растительную ипостась лозы к образу Диониса, а во время выдавливания сока и настойки вина раздираание и дробление на зерна интерпретировали, как "страдание" божества (и среди мифографов такая интерпретация раньше всех встречается у Диодора Сикулуса).

На этой же лозе после сбора винограда оставляли последнюю гроздь винограда, которую на ней же раздавливали, что считалось разновидностью сакрального возлияния.

Посвященный сбору винограда козел, универсально являющийся зооморфной ипостасью Божества Плодородия, обозначал сакральную жертву Диониса.

Как известно, лоза принесла человечеству дионисийскую экстатическую духовность, которая только в рамках определенного времени могла подготовить импульс эго (Э.Бок).

Но в выше приведенном тексте обрядовой песни, в которой центральным символом является выросшее у врат божьих древо обвитое лозой, говорится об Истинной Лозе являющейся метафорой Христа.

Только Иисус, Истинная Лоза, может плодоносить во Славу Отца. Без единения с ней мы как ветви отсеченные от Лозы, у которых отобран жизненный сок и годны только на сожжение.

"Пребудьте во Мне и я в Вас

Как ветвь не может приносить плода

сама собою, если не будет на лозе,
так и вы, если не будете во мне".

Пить жизненный сок лозы может только та ветвь, которая остается на лозе и приносит плод или по иному тот кто остается во Христе.

Посредством такого единения человек становится ветвью Истинной Лозы пребывающий в любви, что соединяет Иисуса с Отцом, и он выносит плод во славу Отца (И.15, 8-11).

Такова тайна истинной Лозы: Христа и Церкви. Она, как известно, выражает плодоносный союз и радость совершенную и вечную.

"Я в них, и Ты во мне"... (И.17.23).

Цветущий виноградник также является символом брачующихся. Украшенный символами плодородия, цветения, благосостояния, изобилия, новой жизни стол новобрачных выражает идею райского состояния и тоску по ней. Райский символизм также встречается в обрядах Крещения: вместо Адама, подпавшего под влияние Сатаны и изгнанного из рая, выступает новообращенный, будто выпущенный новым Адамом на свободу из-под власти сатаны и снова допускаемый в рай" (Жан Даниэлу).

Таким образом, христианство представляется осуществлением рая. Христос является Древом Жизни или Фонтаном Рая. Но это воссоздание рая осуществляется тремя последовательными стадиями. Крещение это ворота в рай; мистическая жизнь более широкие ворота в рай; и наконец, смерть приводит мучеников в рай. Действительно, удивительно обнаружить, что язык рая применим ко всем этим трем аспектам христианской жизни (Жан Даниэлу).

С архаичным сакральным садом ассоциируется образ

Великой Матери богов со своими многочисленными проявлениями (см. Н. Абакелия, Миф и ритуал в Западной Грузии. тб., 1991). С расм - образ Богоматери, которая называлась "доброй привратницей, открывающей врата для праведных".

В грузинской традиции космические идограммы в конкретном случае, представленные сакральным деревом и его неиссякающими вариациями, а также ритуалы выражают одну и ту же идею - живую целостность, которая периодически переживает регенерацию, из-за чего остается вечно плодородной, плодоносной, изобильной и неиссякаемой.

Третья глава монографии посвящена изучению символического значения сакральной рощи и обычаев ее принятия.

Особо рассмотрены общие (свадебные и похоронные) трапезы, называемые "супра" (*Supra* cf араб. *sufra*), в данном случае означающие стол, застолье.

Отмечено, что в вышеупомянутых случаях одним из постоянных и основных обязательных элементов застолья является священный напиток (вино в равнинной и предгорных районах, и пиво в горных районах Грузии), хранимый в специальных глиняных сосудах квеври (т.е. остроносовых амфорах) в винохранилище называемом марани, где творили определенные "молитвенные" ритуалы.

Упомянутые сакральные квеври отличаются от других хозяйственных сосудов своим размером или же материалом изготовления (напр. существует описание наличия кремневого квеври и т.п.); они наполнялись вином т.е. напитком, для возлияний, в Грузии повсеместно называемом "зедаше". Но термин "зедаше" в основном обозначающий

жертвенное вино (а иногда злаковые и жирные подношения) в некоторых районах Грузии и, в частности, в Кахети означает, также, сосуд, в котором оно хранится. Сакральное содержание сосуда консекрирует его и в упрощении он тоже называется "зедаше". А сам ритуал приуроченный к зедаше свято храним, хотя первоначальное его значение утеряно. Ритуал исполняемый над ритуальным сосудом, как явствует из религиозной жизни грузин, очень важный и соблюдается как праздник посвященный Господу Богу один день в году. В этот день грузины не работают, они преподносят подношения Господу.

Согласно нашему этнографическому материалу собранному в разных уголках Грузии (1976-1996) упомянутый ритуальный сосуд устанавливали также во имя архангелов Михаила и Гавриила, Богоматери, св.Георгия, Иоанна Крестителя, св,Нины и др. Но самым значительным среди них был сосуд посвященный Господу Богу, который преимущественно наполнялся красным вином и согласно обету открывался на Пасху или на Рождество и распивали во имя Христа.

Исполняемый над сакральным сосудом молитвенный обряд подразумевал заклание жертвенного животного (быка или барана), преломление хлеба, молитву и причастие к священному напитку в определенной социальной единице - общине, роде, селе, семье, что по нашему мнению было не чем иным как празднованием Пасхальной свхаристии.

Винохранилище "марани" является самым сакральным местом для исполнения упомянутого культового действия. В функциональном отношении (подразумевается место, где устанавливается союз как между сотрапезниками так и между

ними и Богом) оно напоминает кснакулюм первых христиан.

Глинянную чашу "таси", употребляемую в молитвенном ритуале над сакральным сосудом квеври можно отнести к числу свхаристических символов, знаменитым мифологизированным образом которой является Грааль т.е. кубок, в котором согласно легенде, Иосиф аримафейский собрал кровь Иисуса Христа во время снятия с креста.

Хлеб разделяемый среди участников трапезы называется "ганатехи" т.е. преломленный хлеб (Рача-Лечхуми), а сама общая трапеза - преломлением хлеба (пурис гантехва), что вполне соответствует общей трапезе Нового Завета (см. Лука 24:30, 35; Деяния 2:46; 20:7, 11).

Согласно некоторым предположениям фраза "преломление хлеба" обозначает Тайную Вечерю Господа Бога (Деяния 2:42).

Тайная Вечеря, как известно, является тайной Мистерии Голгофы, поскольку Тайная Вечеря стала реальным началом страданий и смерти Христа, как большого жертвенного акта.

Надо отметить, что каждая христианская традиция имела и имеет свой главный культ, чем она отличается от других христианских традиций. Напр., в Восточной Европе, в частности в России, таким является поклонение Могиле Христа; а в Грузии, по нашему наблюдению, таким центральным и важным культом является культ Тайной Вечери.

В работе особо акцентируется тот факт, что упомянутое культовое действо в винохранилище часто указывает на этническую принадлежность или культурную принадлежность участников (сотрапезников) т.к. чужестранцы и посторонние инфильтрированные из

прилегающих регионов, как правило, не исполняют обряды, не соблюдают законы и порядки коренных местных жителей. И этот тезис особенно хорошо иллюстрируется нижеприведенным абхазским материалом.

Согласно этим данным существовали исключения. И эти исключения представляли те, которые хотели стать полноправными членами этой т.е. грузинской культуры и с этой целью исполняли вышеупомянутый обряд наравне с коренными представителями; а, также, а те переселившиеся чужеземцы, которые не исполняли вышеупомянутый обряд до определенного случая. Такие случаи были разные, напр.: обман, лжесвидетельство или клятва перед иконой того или иного святого (чаще всего перед св.Георгием Илорским). Такого рода проступок по местным верованиям строго карался святым. Виновник при первой же болезни или первом несчастии признавал свою вину и исполнял искупительный ритуал по местным обычаям. Исполнением вышеупомянутого ритуала стиралась граница между "чужими" и "своими" и таким образом, пришлый превращался в "абхазца", что фактически, означало "грузинизацию", т.к. исполнением этого ритуала, происходило приобщение к грузинской христианской традиции.

В исследовании подчеркнуто, что в Абхазии, неотъемлемой части Грузии, след христианства помимо старых церквей и монастырей остался в установленных предками культовых действиях, указывающих, со своей стороны на культовую практику древних христиан, на общую и важнейшую практику общегрузинской культуры. Упомянутый обычай несмотря на позднейшую конфессиональную путаницу в этом регионе оставался

наиболее твердой практикой; и этот уголок Грузии в течение веков создавал и формировал духовную конфигурацию единой грузинской (в данном случае - христианской) культуры.

Искусственно (или из-за потерянного знания традиции) оторванная от основы практика становится похожей на ветвь истинной лозы, отрезанной от основного стана лозы из-за чего в ней не проходит жизненный сок лозы.

Большой интерес представляет факт наличия праздника "сербоба" (букв. означающего Всечеру) среди горцев Восточной Грузии, который доселе не был адекватно идентифицирован как в народе, так и в научной литературе.

Под конец хотим вспомнить слова известного теолога Ф.Риттельмейера: Для христиан будущее это воскресение из мертвых, прошлое - гуляние в Раю; а настоящее - распивание сока плода лозы. Плод Христа находится не только там, где произносится имя Христа, но и там, где течет его жизненный сок.

Таким образом, распиванием сакрального сока лозы в винохранилище имеющим функции кенакулума во время пасхального празднества, происходила сакрализация настоящего времени.

Употребление священного вина и священного хлеба грузинами является не просто средством благодарения Иисусу Христу и Богу Отцу через Него за содеянное или словом или делом, но в то же время оно является воспоминанием того жертвоприношения, которое является извечным источником спасения и радости.

Таким образом, исполнение вышеисследованного и установленного ритуала в винохранилище Спасителя на Пасху считалось важнейшей практикой года, во время

которого устанавливалось соединение с Первой литургией (т.е. с Тайной Вечерей Господа) когда сам Иисус Христос установил новую мистерию претворения Хлеба и Вина.